

21/Авг.

Книгоиздательство „СОВРЕМЕННОСТЬ“.

В. В. Брусянинъ.

Судьба первых депутатовъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Роспускъ Государственной Думы и распоряженіе о репрессіяхъ. — Встрѣча бывшихъ депутатовъ въ провинціи. — Народъ защищаетъ своихъ избранниковъ. — Судьба О. М. Онипко и М. Герценштейна. — Подробности преслѣдованія депутатовъ — Гоненіе на депутатовъ отъ рабочихъ. — Дворянскіе депутаты и отрѣшеніе отъ должностей. — Депутаты духовнаго вѣдомства. — Судьба В. Р. Якубсона. — Англійская депутация и выступленіе черной сотни. — Судьба выборгскаго воззванія. — Заключение.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія С. М. Муллеръ, Вас. Остр., 9 лин., д. 18.
1906.

John A. Zell

В. В. Брусянинъ.

BRUSIANIN

116757/K

**Судьба
первых
депутатовъ.**

// SUDBA PЕРВЫХЪ ДЕПУТАТОВЪ //

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія С. М. Мюллеръ, Вас. Остр., 9 лин., д. 18.
1906.

Slav 1643.18.50
✓

73*2

Роспускъ Госуд. Думы и распоряженія о репрессіяхъ.

Не такъ давно въ провинціальной хроникѣ столичной печати было напечатано краткое, но вразумительное сообщеніе: „Въ с. Дьяковѣ, орловской губ., пойманъ психически больной, при которомъ найдена карточка, удостовѣряющая, что это—бывшій членъ государств. думы отъ екатеринославской губ. Лысенко. Больной бѣгалъ съ крикомъ: „Меня преслѣдуютъ вооруженные, спасите!“ Принятый за вора, Лысенко былъ избитъ милиціонерами Мальцевскаго завода“.

Это коротенькое сообщеніе полно трагическаго содержанія. Два-три мѣсяца тому назадъ мы встрѣчали И. И. Лысенко въ кулуарахъ Думы и, судя по его спокойному отношенію къ думской работѣ, трудно было представить депутата бѣгущимъ по улицѣ съ крикомъ: „Меня преслѣдуютъ вооруженные, спасите“.

Вѣроятно, далека была отъ такой мысли и самъ депутатъ, считавшій себя избранникомъ народа и „неприкосновенною личностью“. Участвуя въ мирной „органической“ работѣ, вмѣстѣ съ другими депутатами, народные представители считали себя облеченными полномочіями народа и имъ не легко было представить себя маніаками, бѣгущими по улицамъ съ мольбой о спасеніи. Случай съ избіеніемъ Лысенко, разумѣется, роковая ошибка и, быть можетъ, милиціонеры безъ удара опустили бы руки, если бы узнали, кого они бьютъ. Но нельзя назвать роковой ошибкой по-

семѣстное преслѣдованіе бывшихъ депутатовъ со стороны губернаторовъ, полицейскихъ разныхъ чиновъ и ранговъ, стражниковъ и даже добровольцевъ изъ отрядовъ „черной сотни“. Преслѣдованіе это носитъ характеръ систематической подготовленной травли людей только за то, что народъ призналъ ихъ своими избранниками и послалъ ихъ добывать землю и волю.

Въ началѣ дѣятельности Думы, когда народные представители поддерживались въ своихъ запросахъ населеніемъ, въ придворныхъ сферахъ и въ средѣ камарилы наблюдалась растерянность. Горемыкинская декларация сыграла роль гильотины, отдѣливши народъ отъ бюрократіи, и въ этотъ моментъ политическаго разъединенія впервые поколебались народныя иллюзіи, окрыленные безсознательнымъ стремленіемъ къ царю.

Припомните слова Ф. И. Родичева, который говорилъ первымъ послѣ „торжественнаго“ обнародованія горемыкинской декларации. Онъ сказалъ: „Мы явились сюда въ первый день, выражая готовность вѣрить, выражая готовность работать на обновленіе страны, мы ждали, что власть выйдетъ къ намъ навстрѣчу, мы готовы были забыть прошлую дѣятельность людей, въ рукахъ которыхъ была власть. Мы готовы были не вспоминать о томъ, что на порогъ обновленной Россіи власть находится въ рукахъ лицъ, работавшихъ надъ угнетеніемъ страны. Сегодня наши надежды рушились...“

Депутатъ, окрыленный конституціонными иллюзіями, поспѣшилъ съ прощеніемъ людямъ, „въ рукахъ которыхъ была власть“, и въ ту же минуту признался въ своихъ разрушенныхъ надеждахъ. Вмѣстѣ съ депутатомъ Родичевымъ могли бы признаться въ своихъ разрушенныхъ надеждахъ и тѣ группы населенія, которыя на думской „органической“ работѣ хотѣли обосновать свои конституціонныя иллюзіи.

Большее соотвѣтствіе моменту влило въ заявленіе другаго депутата. Представитель минской губ. А. Р. Ледницкій сказалъ: „Безспорно, совершился крупный историческій моментъ: представители двухъ теченій, двухъ міровъ сошлись лицомъ къ лицу, и каждое внесло сюда то, съ чѣмъ сжилось, съ чѣмъ разстаться не можетъ...“

Съ этого момента, собственно, и началась парламентская

борьба народа съ бюрократіей, завершившаяся разгономъ Думы.

Распуская Госуд. Думу, правительство оправдывало свое поведеніе тремя соображеніями: во первыхъ, народные представители будто бы уклонились отъ законодательной работы въ непринадлежащую имъ область, занялись разслѣдованіемъ незаконныхъ дѣйствій мѣстныхъ властей, утруждая постоянно своими запросами министерства и этимъ затягивая разработку намѣченныхъ законопроектовъ; во вторыхъ, народные представители будто бы присвоили права, не принадлежащія имъ по закону и хотѣли измѣнить основные законы, нарушая прерогативы Государя; и въ третьихъ, народные представители подрывали престижъ власти, безъ должнаго почтенія относясь къ высшимъ представителямъ власти и, наконецъ, въ четвертыхъ, народные представители, минуя министровъ, хотѣли сами разрѣшить аграрный вопросъ.

Кромѣ того, о народныхъ представителяхъ говорилось, что они не оправдали возложеннаго на нихъ довѣрія, ввергая страну въ революцію и т. п.

Распуская Госуд. Думу, правительство опасалось народныхъ волненій, за что говорить опубликованная „Рус. Вѣд.“ копія съ телеграммы премьеръ-министра П. А. Столыпина на имя губернаторовъ и градоначальниковъ. Телеграмма была разослана 7 іюля, т. е. за день до роспуска Думы, и начинается такими словами:

„Въ виду ожидающагося съ ближайшихъ же дней возникновенія общихъ безпорядковъ, прошу немедленно распорядиться обысками и арестами руководителей революціонныхъ, желѣзнодорожныхъ, а также боевыхъ организацій и агитаторовъ среди войскъ, хранителей оружія и бомбъ съ передачей дѣла формальному дознанію, а если невозможно, то со скорымъ примѣненіемъ административной высылки или представленіемъ о семъ особому совѣщанію...“

Въ виду „крайне революціонной дѣятельности бывшихъ членовъ Государственной Думы, разѣзжающихъ въ настоящее время для агитаціи по селеніямъ“, значилось въ другомъ министерскомъ распоряженіи, министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ губернаторамъ и градоначальникамъ принять самыя рѣшительныя мѣры противъ революціонеровъ путемъ ареста ихъ, не смотря на ихъ общественное поло-

женіе. Содержаніе манифеста и смыслъ телеграфическихъ и иныхъ распоряженій г. Столыпина явились для губернаторовъ и градоначальниковъ достаточно ясными директивами, дающими имъ право на расправу съ бывшими народными представителями.

Съ этого момента и началась расправа, и въ этомъ отношеніи бывшая Госуд. Дума сыграла роль провокаціоннаго аппарата, что предсказывали еще въ выборный періодъ нѣкоторыя изъ фракцій крайнихъ лѣвыхъ партій, объявившія бойкотъ Думѣ.

Два года тому назадъ неожиданно народившаяся и потомъ быстро упразднившая себя комиссія Шидловскаго также зазывала въ свои палаты пролетаріатъ, а потомъ превратилась въ камеру полицейской провокаціи и съ позоромъ умерла. Полицейскія и жандармскія власти опытомъ съ комиссіей Шидловскаго воспользовались и для Госуд. Думы, превративъ списокъ членовъ Государственной Думы въ проскрипціонный списокъ.

II.

Встрѣча бывшихъ депутатовъ въ провинціи.

7 іюня депутаты перваго російскаго парламента вышли изъ залъ Таврическаго дворца „неприкосновенными личностями“ въ послѣдній разъ: черезъ двадцать четыре часа слѣпая фортуна сравняла ихъ съ обыкновенными „прикосновенными“ обывателями. Правда, и въ періодъ неприкосновенности депутатъ отъ оренбургской губерніи Т. И. Сѣдельниковъ былъ избитъ на улицѣ городовыми и дворниками, а одинъ изъ генераловъ, посѣтившій Таврическій дворецъ по долгу службы, высказалъ предположеніе, что если бы депутата Аладьина повѣсить на люстрѣ надъ депутатскими скамьями, то „этотъ депутатъ былъ бы прекраснымъ украшеніемъ парламента“,—но на эти факты въ кабинетѣ Горемыкина посмотрѣли, какъ на исключительные случаи, посмѣявшись надъ остротой генерала и пообѣщавъ изслѣдовать случай съ г. Сѣдельниковымъ, а послѣ изслѣдованія и наказать, кого слѣдуетъ.

Послѣ опубликованія манифеста о роспускѣ думы бывшіе депутаты ликвидировать свои дѣла поспѣшили въ Выборгъ, въ сферу недосягаемости.

Я помню томительные ночь и день „выборгскаго бдѣнія“. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми депутатами и представителями прессы мы ожидали набѣга карательнаго отряда на гостепріимную финляндскую гостинницу. Слухи о возможномъ набѣгѣ драгунъ или казаковъ циркулировали во всю бессонную ночь среди депутатовъ, вырабатывавшихъ воззваніе и среди журналистовъ, не допущенныхъ въ залъ „таинственнаго историческаго“ засѣданія. Опасенія оказались не основательными, но волненія, сопутствующія имъ, были первымъ камнемъ въ основаніи новыхъ настроеній бывшихъ депутатовъ.

„Бывшіе депутаты! Бывшіе лучшие люди!“—слышались шутки среди бодрствующихъ депутатовъ, но за этими шутками чувствовалось и трагическое содержаніе: не даромъ нѣкоторые изъ депутатовъ высказывали предположеніе о возможности ареста въ Бѣлоостровѣ, на границѣ Финляндіи и даже на петербургскомъ вокзалѣ финляндской жел. дороги. Нѣкоторые изъ депутатовъ такъ и остались въ предѣлахъ Финляндіи послѣ выборгскаго воззванія, а другіе уѣхали за границу, минуя родину.

Съ роспускомъ думы „органическая“ работа бывшихъ депутатовъ прекратилась, и имъ предстояло возвращеніе на мѣста. Вскорѣ послѣ поѣздки бывшихъ „лучшихъ людей“ въ Выборгъ въ правящихъ сферахъ приступили къ обсужденію „крамольнаго“ поведенія враговъ отечества, лишенныхъ съ роспускомъ думы мирныхъ средствъ обновленія. Рѣшеніе вопроса о преданіи суду авторовъ выборгскаго воззванія затянулось, ибо правительство не знало, какъ поступить: судить ли парламентскихъ крамольниковъ или игнорировать ихъ неконституціонную выходку. Въ то же время, если вѣрить сообщенію „XX Вѣка“, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было еще разъ предложено губернаторамъ—екатеринославскому, пермскому, московскому и намѣстнику Кавказа—особенно „строго слѣдить за членами бывшей Государственной Думы и о всѣхъ противузаконныхъ поступкахъ ихъ доводить немедленно до свѣдѣнія“... Повидимому, это повторное приказаніе министерства ра-

спространилось въ послѣдствіи и на другія губерніи и области, и „слѣженіе“ за бывшими депутатами началось повсемѣстное и выдающееся по своей безцеремонности.— „Это наблюденіе“, говоритъ, одинъ изъ сотрудниковъ Рѣчи, „можетъ быть, и не такъ настойчиво, пока депутаты остаются въ столицахъ или, вообще, не въ мѣстѣ своего жительства. Но стоитъ только имъ вернуться на родину, въ тѣ мѣста, гдѣ ихъ знаютъ и населеніе которыхъ выбирало ихъ своими депутатами, какъ уже, обыкновенно, на станціяхъ ихъ поджидаютъ соглядатаи; затѣмъ дальше бдительный надзоръ за ними не покидаетъ ихъ ни на одну минуту. А при такихъ условіяхъ и до ареста по административному распоряженію очень недалеко. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы не быть арестованнымъ, бывший депутатъ, вернувшись на родину, долженъ былъ бы, по меньшей мѣрѣ, перестать кланяться со своими знакомыми и ужъ во всякомъ случаѣ не отвѣчать ни на какіе вопросы со стороны своихъ бывшихъ избирателей“. *)

Но возможно ли, что бы бывшіе депутаты, возвратившись домой, не имѣли связи съ населеніемъ? Населеніе посылало въ думу своихъ избранниковъ за тѣмъ, чтобы они добыли „землю и волю“ и въ этомъ смыслѣ составлялись и всѣ наказы, письма и телеграммы, которыми сносилось населеніе въ продолженіе 72 дней съ своими избранниками. Народные избранники, вернушіеся по домамъ преждевременно, естественно, должны были разсчитывать и на особенную встрѣчу со стороны населенія. Не трудно было предсказать характеръ этой встрѣчи: населеніе обратилось къ своимъ избранникамъ съ требованіемъ отчета въ дѣйствіяхъ, въ силу чего бывшимъ депутатамъ поневолѣ приходилось бесѣдовать съ населеніемъ, и министерское распоряженіе, въ этомъ случаѣ, на первыхъ же порахъ столкнулось съ назрѣвшей потребностью жизни. До какой степени велика потребность населенія знать, что дѣлали депутаты въ думѣ, видно изъ газетныхъ сообщеній. Одна изъ кievскихъ газетъ, напримѣръ, сообщаетъ, что населеніе губерніи не вѣритъ газетамъ и настаиваетъ на томъ, чтобы депутаты сами отдали отчетъ въ своей дѣятельности. Изъ м. Гранова „Кiev. Откл.“ сообщаютъ:

*) „Рѣчь“ 1906 г. № 147,

„Неоднократно мѣстные крестьяне обращались съ вопросами о роспускѣ думы къ бывшему депутату думы кр. Стефанюку; но послѣдній упорно молчалъ, отговариваясь незнаніемъ. Ни угрозы, ни ругательства крестьянъ не помогли. Наконецъ, на-дняхъ, когда толпа крестьянъ настойчиво приступила къ Стефанюку съ распросами о думѣ, а послѣдній отнѣкивался и не хотѣлъ отвѣчать, на него набросился съ бранью отставной фельдфебель и закричалъ: „Что-жъ ты, собачій сынъ, мы тебя выбрали, на наши гроши ты поѣхалъ, привезъ себѣ оттуда казны, а теперь молчишь! Мы тебѣ отобьемъ бока и покажемъ, какъ отвиливать съ отвѣтами передъ громадой“!.. Съ этими словами онъ бросился на Стефанюка и избилъ его палкой. Сотскіе еле отстояли депутата отъ раздраженной толпы“.

Описанный случай показываетъ, въ какое положеніе попали депутаты, возвратясь къ своимъ избирателямъ. Замалчивать о думской работѣ не приходилось, и слушники рисковали подвергнуться такому же избіенію, что пришлось испытать на своихъ бокахъ Стефанюку.

„Отношеніе крестьянъ къ вернувшимся съ поля брани депутатамъ,—говоритъ газета „Волж. Кур.“,—различное, въ зависимости отъ взглядовъ и дѣйствій самихъ депутатовъ“. При этомъ газета рассказываетъ слѣдующее:

„...къ депутату Лаврентьеву, тетюскаго уѣзда, народъ „ключемъ течетъ“, какъ говорятъ крестьяне, несмотря на бдительность полиціи, которая положительно по пятамъ преслѣдуетъ Лаврентьева. Бываютъ у Лаврентьева и деревенскіе интеллигенты (учителя, писаря), и, такимъ образомъ, онъ является какъ бы умственнымъ центромъ всей округи. Въ случаѣ покушеній полиціи арестовать Лаврентьева, крестьяне хотятъ за него „постоять“. Но совершенно иное отношеніе крестьянъ къ депутату Лаврскому—недовѣріе и разочарованность въ немъ, какъ крѣпкомъ защитникѣ крестьянства. „Мы къ депутату Лаврскому выборныхъ посылали,—разсказывали мнѣ крестьяне,—чтобы узнать, что намъ теперь дѣлать, онъ все такъ въ нашу пользу говорилъ, только зачѣмъ то хочетъ въ городъ уѣхать; здѣсь, говорить, опасно. А мы по-мужицки думаемъ: „волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить“... Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ враждебное отношеніе къ бывшимъ членамъ Думы.

Въ селѣ Борковѣ, ставропольскаго уѣзда, депутатъ Шарковъ принужденъ былъ выѣхать изъ села, и даже домъ Шаркова былъ сожженъ односельчанами. Будучи въ Думѣ, Шарковъ писалъ своимъ выборщикамъ успокоительныя письма о томъ, что Дума всего добьется для крестьянства, устроить жизнь, только пусть не шумятъ крестьяне. Борковцы, между прочимъ, произвели захватъ земли въ 1901 г. у Орлова-Давыдова. Вѣря своему депутату, борковцы все ждали „думскаго исцѣленія“, но съ роспускомъ Гос. Думы, когда разбили всѣ народныя надежды, первая волна негодованія хлестнула деп. Шаркова“.

Судьба депутата Шаркова насъ не удивляетъ: выбирая его въ думу, населеніе, очевидно, плохо знало своего избранника, а, можетъ быть, на его кандидатурѣ были сосредоточены какія нибудь стороннія воздѣйствія. Такое заключеніе, однако, противорѣчитъ дѣйствительности. Въ корреспонденціи точно указывается на роль депутата въ думѣ. Вѣря въ думскую работу, онъ старался внушить такую же вѣру и своимъ избирателямъ и за свое конституціонное легковѣріе, если можно такъ выразиться, наказанъ людьми, нуждающимися въ реальной землѣ и не менѣе реальной волѣ. Но, съ другой стороны, о чемъ же могъ писать Шарковъ на родину, если онъ и самъ вѣрилъ въ положительные результаты мирной думской работы?

Недружелюбно былъ встрѣченъ населеніемъ гжатскаго уѣзда и бывший депутатъ Лебедевъ (к.-д.). По сообщенію телеграфнаго агентства изъ Смоленска отъ 26 августа, по возвращеніи Лебедева въ родныя палестины, крестьяне разгромили принадлежащій депутату фруктовый садъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ болѣе точныхъ свѣдѣній о подробностяхъ разгрома депутатской усадьбы и о причинахъ расправы съ бывшимъ депутатомъ, въ телеграммѣ высказывается только предположеніе, что разгромъ этотъ совершенъ подъ вліяніемъ черносотенной агитации, отношеніе же мѣстныхъ крестьянъ къ г. Лебедеву были дружелюбны.

Активное участіе черносотенцевъ въ недоразумѣніяхъ съ бывшими депутатами возможно. Всѣмъ извѣстно, отъ чьей руки палъ покойный М. Я. Герценштейнъ, извѣстны многимъ также и смертныя приговоры, которыми грозятъ черносотенныя организаціи депутатамъ Родичеву, Петрунkevичу,

Винаверу, Съдельникову и друг. „Кіев. От. Ж.“ сообщаютъ, что бывшему депутату Шолкъ пришлось выѣхать изъ Умани, изъ опасенія за свою жизнь. Какъ оказывается, имъ была получена карточка съ изображеніемъ черепа. Этой карточкой „союзъ активной борьбы съ революціей“ извѣщалъ бывшаго депутата, что онъ приговоренъ къ смерти.

Черная сотня не оставила въ покоѣ и депутата сычевскаго уѣзда Т. О. Волкова. Изъ Петербурга Волковъ возвратился въ с. Воскресенское больнымъ и остановился у знакомаго діакона.

„Тотчасъ же по прибытіи Волкова въ с. Воскресенское, — читаемъ въ „См. Вѣст“, — не замедлила проявить свою дѣятельность мѣстная черная сотня, которая, несмотря на то, что Волковъ лежалъ въ квартирѣ діакона больной и никуда не выходилъ изъ дому, начала распускать слухъ, что бывший депутатъ думы ходить по сосѣднимъ деревнямъ, устраиваетъ митинги, возбуждаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, призываетъ къ вооруженному возстанію и разбрасываетъ прокламаціи („Выборгское воззваніе“), которыхъ онъ привезъ будто бы изъ Петербурга цѣлыхъ 2 пуда. Волковъ не обращалъ, конечно, никакого вниманія на подобную клевету, да и мѣстная полиція хорошо знаетъ Волкова еще въ бытность его учителемъ въ с. Воскресенскомъ. Тогда „истинно русскіе люди“ взялись за анонимные доносы и письмами и телеграммами въ „губернію“ указывали на „зловредную“ дѣятельность Волкова и на его „преступную пропаганду“.

Но окончательно восторжествовала черная сотня послѣ того, какъ въ ночь на 1 августа на улицахъ с. Воскресенскаго было расклеено неизвѣстно кѣмъ выборгское воззваніе. Черная сотня приписала это дѣяніе Волкову, который, кстати сказать, все время не покидалъ постели, и мѣстная полиція въ ночь на 4 августа произвела обыскъ въ домѣ діакона, но въ вещахъ депутата ничего недозволеннаго не обнаружила.

Мѣстные черносотенныя организаціи съ особеннымъ стараніемъ помогали полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія депутатовъ, но не менѣе интересны и выходки самой полиціи по личному почину.

Узнавъ изъ частной телеграммы о пріѣздѣ въ г. Мал-

мыжъ бывшаго депутата И. Н. Овчинникова, мѣстный исправникъ моментально мобилизоваль отрядъ воинской силы, состоящій изъ 5 стражниковъ, и во главѣ съ приставомъ двинуль авангардную колонну къ пристани, а 10 стражникамъ приказано было залечь въ засадѣ, въ лѣсу, по дорогѣ отъ пристани къ городу. Къ сожалѣнію, мѣстная поволжская газета, откуда мы заимствовали это сообщеніе, ничего не говорить о самомъ набѣгѣ на безоружнаго врага. Но зато изъ той же газеты мы узнаемъ, что другому бывшему депутату П. А. Садырину, прїѣздъ котораго ожидался въ Слободской, мѣстныя власти готовили такую встрѣчу, слухи о которой заставили доброжелателей г. Садырина посовѣтовать ему совсѣмъ не ѣздить въ Слободской. Подробности пребыванія бывшаго депутата П. А. Садырина на родинѣ рассказываетъ котельничскій корреспондентъ „Вят. Ж.“.

„11-го августа—говорится въ корреспонденціи,—Садыринъ былъ въ Котельничѣ, гдѣ пользовался особо любезнымъ вниманіемъ исправника, не покидавашаго его ни на минуту, а на улицахъ Садырина сопровождали шпіоны. Лучше всего было путешествіе Садырина по уѣзду: его эскортировали 5 конныхъ стражниковъ, становой и урядникъ. Въ с. Юрьевѣ разыгралась траги-комическая сцена. Приставъ, деликатно дѣлая подъ козырекъ, убѣждалъ Садырина уйти изъ толпы крестьянъ; стражники толкали крестьянъ, но останавливались передъ особой депутата: крестьяне вышучивали полицію и не расходились. Сцена длилась часа полтора, пока Садыринъ не уговорилъ толпу разойтись. До границы орловскаго уѣзда за Садыринымъ скакали становой, урядникъ и отрядъ конныхъ стражниковъ“.

Торжественную встрѣчу полиція устроила въ г. Чистопольѣ и бывшему депутату М. И. Герасимову. Ожидавшая его прїѣзда полиція встрѣтила депутата на пристани, произвела тщательную ревизію его имущества и, отобравъ книги, газеты, письма и записную книжку, отпустила М. И. Герасимова съ миромъ. Черезъ нѣсколько дней депутатъ Герасимовъ былъ вызванъ въ полицію снова, и ему была дана точная инструкція, что онъ долженъ дѣлать и чего не долженъ. При этомъ представитель власти сказалъ: „а если ты будешь рассказывать обо всемъ крестьянамъ, что тамъ, въ

думѣ, дѣлалось, то тотчасъ будешь посаженъ въ бѣлокаменную“ *).

Вольскій корреспондентъ „Сар. Листка“ рассказываетъ эпизоды изъ кратковременнаго пребыванія въ родномъ городѣ Вольскѣ бывшаго депутата И. В. Жилкина.

„Рано утромъ, никому не давая знать о своемъ приѣздѣ, тихо сошелъ съ парохода И. В. Жилкинъ, лидеръ трудовой группы... Его не встрѣтилъ никто, даже изъ близкихъ родныхъ... Однако, приѣздъ его далеко не остался незамѣченнымъ. Не успѣлъ г. Жилкинъ войти въ свой домъ, поздороваться съ матерью и братомъ, какъ нагрянула полиція и занялась распаковываніемъ еще не разобранныхъ вещей бывшаго депутата. Приставъ переворачивалъ бѣлье И. В., рылся въ газетныхъ вырѣзкахъ, торопливо распечатывалъ и пересматривалъ письма и корреспонденціи“.

А вотъ и подробности пребыванія И. В. Жилкина въ домъ родителей:

„Выходитъ онъ изъ дому, — на углу уже стоитъ городской. Садится на перевозъ, — „средиземная эскадра“ уже тутъ, подплыла! Сидитъ вечеромъ съ матерью и братомъ, пьетъ чай—вдругъ съ большого дерева подъ окномъ кто-то летитъ вверхъ тормашками и, встряхнувшись, поспѣшно удираетъ черезъ заборъ... Одинъ изъ хорошихъ знакомыхъ И. В. отправился было къ полицмейстеру съ просьбой разрѣшить устроить собраніе, на что былъ полученъ категорическій отказъ. И въ тотъ же день по городу распространились слухи о какой-то шифрованной депешѣ, гдѣ предписывалось будто-бы стрѣлять „въ случаѣ необходимости“, или что-то въ этомъ родѣ... Быть причиной избіенія людей для И. В-ча было-бы черезъ-чуръ тяжело... Съ другой стороны, вѣчное слѣдованіе по его пятамъ тайной и явной полиціи уже въ концѣ второго дня сдѣлалось для него невыносимымъ. И онъ предпочелъ уѣхать изъ родного города, никому не сообщивъ о своемъ отъѣздѣ. И почти никто его не провожалъ. Только какая-то дѣвочка-подростокъ принесла ему букетъ изъ бѣлыхъ розъ и ярко-краснаго „львиного зѣва“.

Встрѣча на ст. Инжавинѣ депутата Окунева, по словамъ „Тамб. Гол.“, сопровождалась такимъ курьезомъ:

*) См. „Волжск. Вѣстн.“.